

ПАТРИК БИЗЛИ
ИВЕН МОНТЕГЮ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

РАЗВЕДКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

**«МЯСНОЙ ФАРШ»
И ДРУГИЕ ОПЕРАЦИИ
БРИТАНСКОГО
АДМИРАЛТЕЙСТВА.
1939-1945**

*«Дивиденды от «операции Минсмит» оказались
поистине колоссальными».*

Ивен Монтегю

Искусство разведки

Ивен Монтегю

**Разведка особого назначения.
Человек, которого не было**

«Алисторус»

УДК 355.40
ББК 68.23-2

Монтегю И.

Разведка особого назначения. Человек, которого не было /
И. Монтегю — «Алисторус», — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-383-2

Оперативный разведывательный центр (ОРЦ) в структуре английского Адмиралтейства был создан летом 1937 года и состоял из начальника и технического сотрудника. К началу Второй мировой войны он превратился в организацию, которая сыграла важную роль в победе стран антигитлеровской коалиции. «Мясной фарш» («Минсмит») - успешная операция британской военно-морской разведки по дезинформации, проведенная во время Второй мировой войны. Операция убедила высшее германское командование в том, что союзные силы планируют вторгнуться в Грецию и Сардинию в середине 1943 года, тогда как истинной целью была Сицилия. О работе ОРЦ и одной из важных операций по дезинформации противника рассказывают те, кто сам участвовал в описанных в книге событиях. В сборник, предлагаемый читателям, включены книги Патрика Бизли «Разведка особого назначения. История оперативного разведывательного центра английского адмиралтейства в 1939-1945 годы» и Ивена Монтегю «Человек, которого не было». В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 355.40

ББК 68.23-2

ISBN 978-5-00269-383-2

© Монтегю И.

© Алисторус

Содержание

Бизли П	7
Предисловие	7
Глава 1	8
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ивен Монтегю, Патрик Бизли
Разведка особого назначения.
«Мясной фарш» и другие операции
Британского адмиралтейства. 1939-1945

**ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ**

Серия «Искусство разведки»

Перевод с английского Логинов С. Т., Медникова Э., Юровский А.

© Бизли П., 2026

© Монтегю И., 2026

© Логинов С. Т., пер. («Разведка особого назначения»), 2026

© Медникова Э., Юровский А., пер. («Человек которого не было»), 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

Бизли П

Разведка особого назначения. История Оперативного разведывательного центра английского Адмиралтейства в 1939–1945 годы

Предисловие

Спустя 20 лет после окончания Второй мировой войны гросс-адмирала Карла Деница спросили, «чувствовал ли он во время битвы за Атлантику, что ему противостоял единый разум командования, читавший его мысли». «Нет, – ответил он, – пока Хортон не возглавил в ноябре 1942 г. в Ливерпуле руководство противолодочной войной, ничего такого я не замечал».

Эта похвала в адрес адмирала сэра Макса Хортона была вполне заслуженной, но в приведенном ответе Деница обнаруживается его простительное неведение о существовании отдела, входившего в управление английской военно-морской разведки, который практически являлся центральной нервной системой не только в борьбе с подводными лодками, но и во всей морской войне с Германией. Таким подразделением, малочисленным, не укомплектованным, работавшим с непосильной нагрузкой, был Оперативный разведывательный центр Адмиралтейства (ОРЦ).

О нем лестно отзывались многие: и адмиралы времен войны, и историки флота, такие как Эндрю Каннингхэм и кептен ВМС Роскилл. Деятельность ОРЦ была так засекречена, что первые папки тщательно отобранных досье попали в государственный архив только в конце 1975 г. Поэтому ранее не было возможности написать подробный, основанный на фактах рассказ о задачах центра и его достижениях. В предлагаемой книге попытаемся восполнить этот пробел.

Глава 1

Прозорливые мужи

Если считать Вторую мировую войну во многом всего лишь продолжением Первой, то нетрудно прийти к заключению, что появление ОРЦ восходит именно к тому давнему военному конфликту. Своим возникновением этот центр обязан адмиралу сэру Уильяму Джеймсу. В 1917 г. он возглавлял знаменитую предшественницу ОРЦ – «Комнату 40», а в 1936 г. занимал пост заместителя начальника штаба ВМС. Между двумя упомянутыми ведомствами большая разница, но, поскольку центру в значительной мере пошли на пользу опыт и ошибки его родоначальницы, стоит попытаться дать оценку сильным и слабым сторонам «Комнаты 40».

Названная по номеру помещения в старом здании Адмиралтейства, где она тогда находилась, «Комната 40» большую часть периода своего существования, по сути дела, представляла собой бюро по анализу и дешифровке криптограмм. Благодаря бесценному дару нашего русского союзника – своду сигналов германского военно-морского флота, обнаруженному на затонувшем в Балтийском море немецком крейсере «Магдебург», отдел, состоявший из горстки сотрудников, к концу 1914 г. начал раскрывать целую серию вражеских кодов и шифров. Не являясь до 1917 г. составной частью управления военно-морской разведки, этот отдел, тем не менее, сделал возможным появление легендарной личности – адмирала сэра Реджинальда Холла, быть может, наиболее известного начальника разведки во всей ее истории. Операцию с пресловутой телеграммой Циммермана, повлекшей вступление в войну Соединенных Штатов в апреле 1917 г., провел он, а не Форин офис¹. И все же, хотя в «Комнате 40» расшифровали множество дипломатических донесений вражеских и нейтральных государств, ее первейшей обязанностью было служить, конечно же, военно-морскому флоту. Поэтому нас интересует именно данная сторона дела.

Вся деятельность, протекавшая в «Комнате 40», держалась в такой тайне, что лишь очень немногие офицеры в Адмиралтействе и на кораблях английского военно-морского флота знали о ней. Благодаря умению читать радиодонесения немецких ВМС в «Комнате 40» знали больше об операциях и намерениях флота адмирала Шеера, чем в любом другом подразделении королевских ВМС. Но сотрудникам «Комнаты 40» не разрешалось входить в прямые контакты с адмиралом Джеллико² и соединениями кораблей британского флота. Им позволялось, в сущности, одно: направлять кому-либо из небольшого числа знавших о существовании «Комнаты 40» офицеров оперативного управления штаба ВМС переводы расшифрованных в ней текстов немецких радиogramм. И хотя в «Комнате 40» знали сущность и источники этих сообщений, оценку каждого такого донесения, попадавшего к выделенным для этого офицерам оперативной службы, производили именно они, решая, что из этой информации препровождать адмиралу Джеллико. Практически эти офицеры не обладали разведывательной подготовкой и не являлись специалистами по имперскому флоту Германии. Поэтому не удивительно, что, когда создавались ситуации, близкие к решающим сражениям, они оказывались не в состоянии грамотно использовать попадавшую к ним в руки бесценную информацию.

Никакого опыта, как обращаться с такого рода разведданными, разумеется, не было. Даже сама идея о необходимости создания главного штаба ВМС только незадолго до этого была навязана упорствовавшему командованию флотами первым лордом Адмиралтейства³ Уинстоном Черчиллем. «Комнату 40» создали, когда война уже началась. Она не являлась частью существовавшего истэблишмента. Талантливые сотрудники, которыми ее укомплектовали, не были

¹ Министерство иностранных дел. – *Прим. ред.*

² Командующий флотом метрополии. – *Прим. ред.*

³ Военно-морской министр Англии. – *Прим. ред.*

еще профессионалами. Среди них были финансисты и интенданты, школьные и университетские преподаватели, клерки. Большинство морских офицеров того времени (Холл, как редкое исключение, к ним не относится) считали немыслимой саму возможность доверить анализ, обработку и рассылку информации, от которой зависели и тактика, и развертывание боеединений военно-морского флота, людям, не имевшим специальной военно-морской подготовки. Считалось, что такая задача могла быть по плечу лишь оперативно-плановым органам штаба ВМС.

Для Джеллико главная цель разведки заключалась в обеспечении Гранд флиту⁴ безопасного выхода с его базы в Скапа-Флоу. Ему приходилось остерегаться подводных лодок, и потому нужно было выйти с достаточным запасом времени, чтобы успеть перехватить немецкий флот и завязать с ним бой в период его непродолжительных и сравнительно редких рейдов в южную часть Северного моря. С учетом факторов времени и расстояния надежда на успех могла быть реальной только в том случае, если бы оба флота вышли из своих баз практически одновременно. Заблаговременное уведомление Джеллико не мог получить ни от кого, кроме криптографов «Комнаты 40», что они, собственно, и сделали перед битвой при Ютландии. Последовавшие серьезные ошибки в обращении с их информацией серьезно усугубили тот факт, что эта битва не стала вторым Трафальгаром – пылкой мечтой королевского флота. Ведь Трафальгара в глубине души ждала вся Англия.

Утром 31 мая 1916 г. корабли германского Флота открытого моря⁵ вышли из рек Яде и Эльбы с намерением внезапно атаковать линейные крейсера, которыми командовал Битти, до того, как на помощь к нему мог подоспеть Джеллико с главными силами британского Гранд флота. Немцам хотелось к тому же заманить Джеллико в ловушку из расставленных на позициях подводных лодок. Признаки этой операции «Комната 40» обнаружила примерно за двенадцать часов, о чем должным образом был поставлен в известность Джеллико. Благодаря этому его флот вышел в море за два часа до выхода из Гавани первых кораблей Шеера и взял курс на юг. Пока все шло гладко.

Около полудня 31 мая в «Комнату 40» вошел начальник оперативного отдела кептен ВМС Томас Джексон и спросил, откуда радиопеленгаторные станции (РПС) зафиксировали позывной сигнал «ДК», которым обычно пользовался командующий германскими ВМС. Ему совершенно точно ответили: из Яде. Щелкнув каблуками, Джексон резко повернулся и вышел. Если бы он спросил, где находился адмирал Шеер в тот конкретный момент, он получил бы совсем иной ответ. Каждый в «Комнате 40» знал, что когда Шеер выходил в море, он передавал позывной сигнал «ДК» в Вильгельмсхафен береговому штабу, а сам обычно пользовался другим, надеясь перехитрить англичан.

Не поставив в известность «Комнату 40», Джексон распорядился сообщить Джеллико и Битти, что главные силы немецкого флота все еще находились в Яде, поскольку их предполагаемый выход в море, видимо, задерживался из-за недостатка разведданных с дирижаблей. На самом же деле к тому времени Шеер уже более десяти часов полным ходом шел на север. Какого же было удивление Джеллико и Битти, когда они менее чем через четыре часа после получения неправильно понятого злополучного сообщения Джексона встретились лицом к лицу не только с линейными крейсерами, но и со всей немецкой армадой. Это поколебало их веру в Адмиралтейство как источник надежных разведданных о противнике.

Но встреча, честно говоря, была неожиданной для обеих сторон, и только благодаря блестящей тактике Шееру удалось в самый последний момент вывести свои поврежденные корабли из отчаянной ситуации. И даже при всем том, несмотря на поздний час, в какой противники обнаружили друг друга, – ведь почти все время была скверная видимость, – этот

⁴ Главные силы английского ВМФ, предназначенные для генерального сражения с флотом противника. – *Прим. ред.*

⁵ Так назывались главные силы германского флота. – *Прим. ред.*

день мог бы завершиться тяжелым поражением для немцев. Хотя они причинили англичанам больше повреждений, чем получили сами, их корабли тоже испытали на себе мощные удары; им противостоял все еще численно превосходящий противник. Поэтому на следующий день немцы, в отличие от Джеллико, не проявили желания возобновить сражение. Все надежды они возлагали на то, что ночью им удастся найти возможность обойти английский флот, корабли которого находились между ними и их базами, чтобы тем самым обеспечить себе благополучный отход от противника. Шеер мог выбрать один из четырех маршрутов для возвращения домой, но Джеллико счел наиболее вероятным именно тот, – и на этом он основывал свои действия, – который Шеер забраковал. Этого не случилось бы, если бы английский командующий получил всю информацию, какой в тот момент располагала «Комната 40», и поверил в нее. В 9.58 вечера ему было направлено донесение о местонахождении и курсе следования замыкающей части германской эскадры, однако, к сожалению, тот корабль, положение которого легло в основу сообщения, шел неверным курсом; он оказался не там, где должен был находиться по его же собственному донесению. Джеллико знал, что указанное ему оперативным управлением положение этого корабля не было точным. В результате эта ошибка, вдобавок к прежней, окончательно подорвала его доверие к информации Адмиралтейства.

И когда через пятьдесят минут он получил новое сообщение о том, что германской эскадре отдан приказ возвращаться в порт, причем указывался и наиболее вероятный курс следования, Джеллико проигнорировал его, предпочитая полагаться на собственные оценки обстановки. Он продолжал двигаться в том направлении, которое постепенно все больше отдаляло его от Шеера. Последнему удалось обойти британскую эскадру с тыла и избежать боевого соприкосновения.

Вот, пожалуй, и все об информации, которую операторы Адмиралтейства фактически направляли Джеллико. Но печальная история на этом не кончается. Вскоре после расшифровки упомянутых выше сигналов в «Комнате 40» перехватили депешу Шеера с приказанием провести разведку с дирижаблей на рассвете в районе Хорнс-Рифа – прохода, по которому адмирал собирался возвращаться на свои базы. Это и последующие сообщения – а в них как на ладони читались намерения немцев – «Комната 40» в точности передала операторам, но дальше стола дежурного офицера они не пошли. На следующее утро англичане прочесывали уже пустое море. Шеер спокойно вернулся в Вильгельмсхафен. Только спустя несколько лет после войны Джеллико узнал о самом существовании упоминавшихся важнейших депеш.

Главная причина неудач разведки в Ютландской операции предельно проста: «Комнате 40» не разрешалось действовать в качестве оперативного разведцентра. Передача по инстанциям подготовленной в ней и только ей хорошо понятной информации возлагалась на небольшую группу офицеров, не обладавших ни специальными знаниями, ни соответствующими качествами для использования ее по назначению. В последующей оценке этого сражения военно-морской штаб отмечал: «Существовавший порядок засекречивания был возведен в абсолют... жизненно важная информация направлялась только начальникам Генерального штаба и его Оперативного управления, которые либо переправляли ее дальше, либо задерживали. Решить, что сделать с ней с учетом уточнения поступавших разведданных, вправе был лишь отдел, отвечавший за эту информацию непосредственно. Разведывательное управление, обязанное снабжать командующего данными о передвижении германского флота, такой работой не занималось: его функции были ущемлены».

Адмирал Джеймс поместил проливающее свет замечание в написанной им биографии Холла⁶: тот признавал необходимость преобразования «Комнаты 40» «в разведцентр с функциями, отличными от обязанностей бюро по дешифровке депеш. Но ситуация тогда еще не позволяла обратиться в военно-морской штаб с радикальным предложением, и Холл вынуж-

⁶ McLachlan. Room 39. Wendenfield and Nicolson

ден был бездействовать до следующего года». Такова сила предрассудков и консерватизма у моряков.

Весной 1917 г. наступили перемены: «Комната 40» перестала поставлять разведуправлению (РУ) необработанную информацию. Она начала передавать все фактические материалы в виде продуманных оценок намерений и характера передвижений кораблей немцев. Но и тогда за операторами оставалось право решать, как на практике поступать с прогнозами «Комнаты 40»: что из них передавать дальше, а что бросать в корзину. Улучшение налицо, но оно не давало окончательного ответа; причина укоренившихся недостатков заключалась отчасти в структуре самого разведуправления.

В «Комнате 40» видели эти слабости, во всяком случае, некоторые молодые сотрудники. Вскоре после войны один из них самостоятельно или в соавторстве опубликовал две записки⁷ с подробной критикой и предложениями, оказавшимися весьма кстати молодому офицеру, которому в 1937 г. поручили создать оперативный разведывательный центр. Стоит поэтому привести пространные цитаты из этих записок.

Первая запись называется «Морские традиции и морская разведка». В начале в ней выражается сомнение в пригодности офицеров флота командного профиля для работы в разведке: «Он – человек действия, никогда не теряющийся. Он должен без промедления, не колеблясь, принимать решение по каждой ситуации и проявлять готовность моментально выполнить любое поручение, любой срочный приказ. В этом его сила и слабость. Благодаря этим качествам он – лучший офицер в мире, но они же делают его неспособным справляться с обязанностями, которые требуют административного, организаторского (ведь речь идет не просто о том, чтобы отрядить людей на работы) и аналитического таланта. Больше того, эти его качества мешают ему понять, что бывают дела, с которыми он не в состоянии справиться»⁸.

В этом правиле тоже есть, конечно, свои исключения, но нельзя ожидать, что за два года на новой работе в Адмиралтействе средний офицер командного профиля изменит свои привычки и методы, которые вбивались ему в голову более десятка лет. Имеется, однако, один ряд кадровых офицеров, а именно казначей⁹, которые по характеру их служебной подготовки и практическому опыту почти готовы для работы в разведке. Ведь проводится же специализация в других должностных категориях. Почему бы хозяйственникам и финансистам не специализироваться в качестве офицеров разведывательной службы? «Тогда флот располагал бы и на кораблях, и в Адмиралтействе штатом постоянных сотрудников, подготовленных для работы, сама суть которой требует длительной и непрерывной службы на одном участке. Увольнение офицеров, занимавших ответственные должности, не нарушало бы тогда преемственности в работе и ее эффективности».

В заключение в записке осуждался установившийся дух непринятия критики не только в разведуправлении военного времени, но и во всех компонентах Адмиралтейства. «Управления оперативного планирования и разведки, как обнаружилось во время войны, абсолютно не отделимы друг от друга. Для любых намечаемых или осуществляемых операций на море необходимы широкие знания замыслов и характера передвижений кораблей противника. Держать каждое управление в изолированном доте – значит игнорировать опыт. Достичь полной отдачи можно только посредством такого правила, которое позволит соответствующим работникам каждого управления входить в тесное взаимодействие, – истина, верная во многих отношениях, – но лишь при работе в идентичных сферах или над аналогичными проблемами. Именно тогда на результате совместных усилий отразятся не только личные особенности специалистов,

⁷ Высший орган административного и стратегического руководства ВМС, в который входили руководители других государственных учреждений и ведомств. – *Прим. ред.*

⁸ Второй морской лорд – начальник управления по личному составу и кадрам ВМС. – *Прим. ред.*

⁹ Имеются в виду сторонники генерала Франко. – *Прим. ред.*

но и вся широта их взглядов. Определится окончательный вывод, установленный с учетом всех аспектов исследуемой проблемы в свете комплекса знаний, которые могут быть привнесены каждым управлением».

Вторая, более пространная записка озаглавлена «Организация военно-морской разведки (на базе исторического анализа войны 1914–1918 гг.)». В начале в ней утверждается, что много внимания уделялось анализу различных операций на море в прошлую войну, а также причинам их успехов и неудач, но что не подвергалось тщательному разбору, так это деятельность Адмиралтейства, поскольку для нее нет таких сравнительных критериев, как для кораблей, у которых для взаимной оценки имеется конкретный или потенциальный аналог. Не было предпринято и попыток улучшить работу Адмиралтейства. «В то время как архитектура, размеры, оборудование и вооружение кораблей с каждым десятилетием изменяются до неузнаваемости, а теория морской войны и связанные с ней проблемы подвергаются радикальной трансформации, организационная структура Адмиралтейства, от которой в конечном итоге зависит боевая эффективность всех ВМС как вида вооруженных сил, может оставаться почти полностью нетронутой новыми веяниями и идеями просто из-за того, что она еще не пересматривалась». В то же время современная техника неизбежно приводит к большой концентрации власти и ответственности в Адмиралтействе в ущерб командующим флотами.

В последующей части, где записка обращается к разведуправлению, в ней высказываются серьезные замечания по поводу организации работы Адмиралтейства в военное время. Автор (или авторы) считает совершенно недопустимым, что «Комната 40» – отдел, поставлявший важнейшую и наиболее надежную информацию о морском противнике, – не являлась до мая 1917 г. составной частью разведуправления. И даже когда это произошло, связи между личным составом «Комнаты 40» и другими подразделениями РУ, работавшими с ценными источниками информации, оставались далеко не тесными. Например, в самый разгар неограниченной подводной войны офицер, ведавший поиском подводных лодок и слежением за ними, не имел до осени 1917 г. доступа к материалам «Комнаты 40». «Занимаясь захваченными документами, допросом пленных и другими подобными делами, германская секция РУ полного допуска не добилась. Три отдела следовало объединить в единое целое, – во всяком случае, младшие офицеры это отчетливо понимали, – но централизованный орган, который собирал бы и передавал все, что выходило из стен разведуправления, так и оставался мечтой подчиненных, испытавших горькую участь работы в полной изоляции».

В записке критиковалась и малочисленность персонала, перегруженного работой. Ведь сначала по инстанции в оперативное управление направлялись все расшифрованные депеши. Потом, когда их объем возрос, – только наиболее срочные и важные. Чтобы как-то изменить это положение, ввели военный дневник – итог за день. Но дневник приходилось вести дежурному офицеру в промежутках между другой, более срочной работой, а такого человека, который, сделав общий обзор, мог бы решить, что действительно важно и что нет, не было. Систематизированный учет данных не велся, разведсводки фактически не составлялись; то, что могло показаться не представляющим непосредственного интереса, просто выбрасывалось в корзину. В итоге действия германского флота на Балтике долгое время серьезно не анализировались, а ценная информация о его повседневной деятельности и тактических приемах полностью игнорировалась.

Тем не менее автор признавал, что даже в августе 1916 г. существовавшая в РУ структура была несравненно лучше, чем в аналогичных ведомствах других стран и в британском военном министерстве. Подводя итоги, он пишет: «Незадолго до заключения перемирия тогдашнее разведуправление начало наводить порядок в своем хозяйстве. Отдел, ведавший радиосестьями противника, стал менее зависимым и не утратил своей целостности. Его подразделения занимались сбором и дешифрированием радиосигналов, станциями радиопеленгования, сбором текущей информации и общей разведкой. Барьеры между ним и другими отделами были

ликвидированы. Составлялся план объединения всей разведывательной деятельности в одном ведомстве. К моменту заключения перемирия идея создания в управлении централизованного органа, который получал бы и распределял информацию по отделам, а также поддерживал постоянные тесные связи с другими организациями внутри и вне Адмиралтейства, которые в тот или иной момент могли бы устанавливать контакты с РУ, не получила развития. О ней помнили только несколько подчиненных. По аналогии с другими реформами можно сделать заключение, что силы прогресса рано или поздно восторжествуют».

Возможно, эти перемены и осуществились бы, но вскоре после прекращения военных действий «Комнату 40» закрыли; военно-морское разведуправление, как и сам военно-морской флот, было так урезано, что стало только тенью прошлого. Положение Холла с его беспрецедентными правами и широкими независимыми полномочиями вызывало беспокойство и ревность во многих кругах Уайтхолла. В Форин офис, например, определенно считали, что ни один будущий начальник военно-морской разведки не должен оказывать влияния на события вне компетенции чисто морской сферы, как это делал Холл. Многие в его ведомстве, включая блестящих специалистов по криптографическому анализу, кто не захотел вернуться к довоенным профессиям, были переведены в секретную службу под крышу Форин офис. В то же время тайна, окутывавшая в течение всей войны «Комнату 40», продолжала и в мирное время мешать проведению подробного делового анализа достигнутых ею результатов. К середине тридцатых годов, когда до сознания политиков и общественности начало доходить, что лозунг «война ради окончания войн» перестал служить гарантией такой утопической ситуации, почти ничего не осталось от учреждения, которое при всех своих недостатках внесло несомненный вклад в победу союзников, став предметом зависти для всех компетентных разведок мира.

Большую часть двадцатых и тридцатых годов разведуправление ВМС, оставаясь формально основным подразделением главного штаба ВМС, превратилось на деле в некие задворки, куда тщеславные морские офицеры чаще всего не искали назначений. Вместо них оно пополнялось обычно теми, кому оставалось дослужить на флоте до отставки два-три года. Поэтому отнюдь не могло вызвать большого удивления, когда в 1936 г., в момент абиссинского кризиса, который едва не вовлек Англию в войну с Италией, заместитель начальника главного штаба ВМС Джеймс по прозвищу Кипучий, вспоминая свою работу в 1917–1919 гг., – он тогда был шефом «Комнаты 40», – высказал серьезную озабоченность по поводу способности управления выполнить свои задачи в условиях чрезвычайной обстановки.

У Джеймса были все основания для такой тревоги. От созданной Холлом великолепной организации почти ничего не осталось. Управление было теперь организовано по так называемому «географическому принципу»; каждый отдел занимался определенной страной или группой стран. В целом отделы располагали вполне достаточной информацией о ходе военно-морского строительства за границей и о береговой обороне, но у них не было ни людей, ни заинтересованности в том, чтобы собирать и кому-то передавать сведения об организации, базировании и передвижении иностранных флотов. В этом смысле положение с «оперативной» разведкой улучшилось ничтожно мало по сравнению с теми временами, когда еще отец Холла занял в 1892 г. только что созданный пост начальника разведуправления флота. Работая неполный день вместе с еще одним офицером, они представляли собой то, что называлось «Отделом передвижений». Его продукция никакой точностью не обладала: она чаще всегда содержала устаревшие данные. Сведения о местонахождении японских, итальянских и германских кораблей, взятые из донесений военно-морских атташе, консулов и офицеров-информаторов, столбцом заносились в пухлые старомодные бухгалтерские реестры. Последние новостями зачастую имели месячную давность. Справочник для служебного пользования с указанием предположительного развертывания военно-морских флотов издавался только раз в квартал. Отдел не выписывал даже регистра Ллойда, в котором, во всяком случае, на каждый день и весьма точно регистрировалось движение торговых судов всех стран мира. Сведений от сек-

ретной службы о передвижении военных кораблей фактически не поступало. Действующих радиопеленгаторных станций было всего пять: две – в Соединенном Королевстве, одна – на о-ве Мальта и две – на Дальнем Востоке. Поэтому возможность определить координаты кораблей, находящихся в море, была еще более отдаленной, чем получение о них своевременной информации, когда они находились в портах.

Криптографический анализ, как мы уже видели, теперь не входил в функции разведуправления ВМС. Этим занималась получившая громкое название ПШШИД, находившаяся в старом здании на Бродвее возле Виктории-стрит. Ей повезло: начальник школы Элистер Деннистон и часть его сотрудников являлись старожилами «Комнаты 40». Блестящий дешифровщик Дилли Нокс, Тревис де Грей, помогший расшифровать упомянутую выше телеграмму Циммермана, «стиляга» Кларк, несший дежурство в «Комнате 40» во время Ютландской операции, – все эти и другие сотрудники знали, какой должна быть военно-морская оперативная разведка. Они горели желанием избежать ошибок и недостатков, мешавших «Комнате 40» полностью реализовать свой потенциал. И все же никто, по-видимому, как следует не задумывался над проблемой, как обеспечить сбор и передачу флоту нужной информации, если и когда ее раздобудут во время войны. Ведь глухая изоляция и секретность, мешавшие работе «Комнаты 40», стали еще более непроницаемыми после того, как ПШШИД административно и по месту ее размещения была отделена от Адмиралтейства.

Джеймсу хотелось, чтобы разведывательный центр стал прообразом «Комнаты 40» 1918 г. Адмирал не мог рассчитывать, что в центр будет поступать такой же бесценный поток расшифрованных донесений противника, как в былые времена, но он понимал, что появились и другие источники информации, надо только наладить их работу и найти людей, которые могли бы правильно обращаться с получаемыми от них материалами. «Имеется широкая область работы с радиопеленгаторными станциями слежения, с донесениями агентуры, наших кораблей и т. п., и если посадить за эту работу людей проницательных, то я не сомневаюсь, что очень скоро будет создана ценная разновидность оперативной разведки», – писал он в памятной записке контр-адмиралу Траупу, начальнику военно-морской разведки. Как и всему начальствующему составу, Траупу в то время мешали финансовые ограничения, навязанные трем видам вооруженных сил Министерством финансов (и правительством), которые стремились ввести «правило десяти лет» У. Черчилля¹⁰. Контр-адмирал Трауп больше всего старался избегать увеличения любых расходов в его ведомстве, что могло повлечь запросы о дополнительных ассигнованиях. Из этого можно заключить, что, поручая в июне 1937 г. решение этой проблемы капитан-лейтенанту Норману Деннингу, – в прошлом специалисту по финансовым вопросам, – Трауп исходил вовсе не из убеждения, что этот человек идеально подходил для данного поручения. Он руководствовался, скорее, желанием сохранить кадры в еще оставшихся у него отделах.

Но независимо от побудительных мотивов Трауп не мог бы сделать лучшего выбора. Деннинг – выходец из замечательной семьи. Два его брата не дожили до окончания Первой мировой войны, но из троих оставшихся в живых один теперь – лорд Деннинг, начальник судебных архивов, второй, Реджинальд Деннинг, – генерал-лейтенант и третий, Норман Деннинг, «Нид», – вице-адмирал, вышедший в отставку в 1965 г. Он был двадцать седьмым по счету начальником разведки ВМС и первым заместителем по разведке лорда Маунтбеттена в бытность его начальником штаба обороны. Джеймс нашел поистине целеустремленного человека, прирожденного разведчика, который, как покажет история, стал родоначальником ОРЦ.

Деннинг приступил к делам летом 1937 г., имея в своем распоряжении всего одного технического сотрудника, Чарли Пейса, не располагая никаким документом о своем статусе, кроме записки от заместителя начальника Главного морского штаба, не имея ни опыта работы

¹⁰ По организации Адмиралтейства оно называлось плановым. – *Прим. ред.*

в разведке, ни своего помещения, ни основы организации, которая послужила бы отправным пунктом для создания нового учреждения. Но зато у него была полная свобода действий, и он не должен был пытаться ставить перед собой непосильную задачу – изменить существовавшую структуру Адмиралтейства. Он мог начать и с нуля.

Прежде всего Деннинг отправился в ПШШИД, где пробыл две недели и получил множество полезных советов от Деннистона и других, но больше они ничем не могли ему помочь. Кроме административного состава, в школе имелась военно-морская секция, в обязанности которой входило обеспечение специалистов рекомендациями военно-морского профиля и поддержание взаимодействия между школой и Адмиралтейством. Радиосигналы, которые исходили от итальянских и немецких кораблей, эта секция пыталась принимать и опознавать с помощью радиопеленгаторных станций (РПС). К точному определению местонахождения кораблей по радиопеленгам не прибегали, поскольку решить эту задачу практически оказалось не так легко при небольшом числе действовавших тогда станций слежения. Секции удалось расшифровать некоторые итальянские коды, но немецкие раскрытию пока не поддавались.

Вернувшись в Адмиралтейство, Деннинг решил проштудировать папки с досье «Комнаты 40», которые покрывались пылью на чердаке. Среди них и обнаружились две упоминавшиеся выше записки. Когда он тщательно их прочитал, у него открылись глаза на ожидавшие решения проблемы, с которыми ему придется столкнуться. Для Деннинга стало ясно, что «Комнату 40» чересчур засекретили и за то время, пока она существовала, слишком старательно отгораживали от остальной части разведуправления, от оперативного и оперативно-планового управлений. Но теперь криптографический анализ шифрограмм иностранных ВМС был возложен на самостоятельное учреждение, не входившее в военно-морское ведомство. Оно и размещалось отдельно, не в Адмиралтействе, и контактировало с флотом еще реже, чем «Комната 40» в 1916 г.

Но если даже в те времена оперативно-плановые отделы не доверяли «людям из таинственной комнаты», которые как-никак ежедневно имели контакты с некоторыми представителями оперативного управления, то что можно сказать о 1937 г., когда информация должна была поступать от неизвестных этим отделам «таинственных коммерсантов», находящихся вне контроля органов ВМС, которые лично и по своим деловым качествам были совершенно неизвестны штабу ВМС? Как увязывать развединформацию, которая в будущем может поступать из ПШШИД, с информацией из других источников, попадающей прямо в Адмиралтейство; как ее оценивать и делать приемлемой для Главного морского штаба и флота в свете того, что «Комната 40» слишком долго работала в отрыве от остальной части РУ? Ведь нельзя же допустить, чтобы специалисты по криптоанализу сидели в башне из слоновой кости. Они должны быть знакомы с потребностями флота и повседневными реальностями проводимых операций и будущих планов. Как установить тесные связи с оперативно-плановым¹¹ и оперативным управлениями? Где создать центральный пункт, куда стекалась бы информация из всех источников? При ПШШИД? Только там находилось ядро подготовленных и опытных кадров. А если не там, то где достать людей для еще только зарождающегося отдела? Как наладить связи нового учреждения, независимо от того, где оно будет находиться, с другими видами вооруженных сил – армией и ВВС, дипломатической службой, не говоря уже о новых министерствах и ведомствах, которые, если разразится война, сразу же будут созданы, как это случилось в 1914–1918 гг.?

Ясно было, во всяком случае, одно: кораблям в море разведданные можно будет передавать только по радиосетям ВМС – факт, который сторонние критики Адмиралтейства часто игнорируют, говоря о разведке.

К лету 1937 г. испанская гражданская война велась уже двенадцать месяцев, и Деннинг получил распоряжение представлять о ней разведданные еще до того, как он успел развер-

¹¹ W. James. The Eyes of the Navy. Methuen.

нуть требуемую организацию. Пришлось решать две задачи одновременно. Франкисты, воспользовавшись большой помощью четырех подводных лодок, переданных им Муссолини, и некоторых других, тоже имевших на борту итальянские экипажи, установили блокаду республиканских портов, которая, хотя и не была вполне законной, оказалась отчасти эффективной. Английские и в меньшей степени французские ВМС строго претворяли в жизнь основанное Нионским соглашением военно-морское патрулирование с целью соблюдения морского права и предотвращения актов «пиратства». Но в действиях немцев и итальянцев явное предпочтение отдавалось Франко. Важной задачей английского Адмиралтейства стало определение численности и местонахождения «пиратских»¹² подводных лодок и внимательное наблюдение за передвижением германских и итальянских кораблей в испанских водах. К Деннингу поступали донесения от командиров английских кораблей, консулов, а также от офицеров – представителей управления по торговому судоходству, находившихся на территории как франкистов, так и республиканцев. Одних этих сведений, однако, было недостаточно для полноты картины на каждый день.

Хорошо, конечно, что ПШШИД удалось кое-что сделать по обнаружению и опознанию позывных сигналов и расшифровке некоторых итальянских и франкистских кодов, но школа все еще не проявляла интереса к пеленгованию позиций кораблей с радиопеленгаторных станций ВМС. Никто не занимался этим и в Адмиралтействе, поскольку дела «Комнаты 40» вместе с ней самой были переданы ПШШИД. Деннинг быстро организовал доставку ему, а также на Бродвей данных пеленгования, которые он попробовал наносить на специальные карты-планшеты. Вместо простого бухгалтерского учета он ввел современную картотечную систему с соответствующими систематизированными указателями, выписал справочники регистра Ллойда, установил тесные связи с этим учреждением. В комнате заместителя начальника военно-морской разведки, где стоял его стол, был вывешен стенд с морской картой, усыянной флажками. На ней он отмечал последнее местонахождение всех интересовавших его кораблей – военных и торговых – и, как предсказывал Джеймс, вскоре смог гораздо точнее, чем раньше, обобщать складывавшуюся на морях обстановку.

Однажды Деннинг получил из ПШШИД расшифрованное донесение о местонахождении «пиратской» подводной лодки в момент какого-то «инцидента». Сигнал был перехвачен с искажениями, и полностью расшифровать его не было никакой возможности. ПШШИД направила Деннингу свою интерпретацию этой депеши, не приложив оригинала переведенного текста. Но случилось так, что, находясь в Адмиралтействе, Деннинг смог ознакомиться с поступившей с моря новой информацией, которой ПШШИД не располагала. Он установил неправильное толкование школой упомянутого сигнала. Это вынудило его настаивать на том, чтобы все перехваченные донесения, даже обрывочные и неразборчивые, после перевода и дешифровки обязательно пересылались ему в том виде, в каком они были получены, и чтобы оценка их истинного значения была предоставлена ему. На совещании у Траупа, где присутствовали Деннистон и Трейвис, он получил «добро», и с той поры Оперативный разведывательный центр (ОРЦ), как теперь назывался отдел Деннинга из двух человек, превратился в координирующий центр всей информации, поступавшей из любого источника. Он нес полную ответственность за ее анализ и оценку. Таким образом был установлен важный для успеха дела принцип.

В начале 1938 г. возникла новая дискуссия о функциях и месте размещения военно-морского отдела ПШШИД. Будучи укомплектованным преимущественно офицерами флота и являясь связующим звеном между школой и Адмиралтейством, этот отдел казался Деннингу единственным источником готовых кадров разведчиков, которых он, видимо, хотел призвать под свои знамена. В соответствии с высказанным им мнением «в основу целесообразной организации ОРЦ следовало положить опыт военно-морской секции ПШШИД, видимо модернизи-

¹² Имеется в виду категория офицерского состава административно-хозяйственной и финансовой службы. – *Прим. ред.*

рованного применительно к практическим требованиям Адмиралтейства»¹³. В сущности, Деннинг предлагал перевести этот отдел в Адмиралтейство. Но в некоторых кругах самой школы было такое предчувствие, что в случае войны «Комната 40» может возобновить свои функции в полном объеме. Поэтому при любом варианте предложение Деннинга помешало бы дешифровщикам пользоваться советами соответствующих специалистов. Они лишились бы прямых контактов с Адмиралтейством и утратили бы понимание его специфических потребностей. В тот момент решено было оставить все по-прежнему, несмотря на большой соблазн иметь в ОРЦ ядро хорошо подготовленных специалистов. Деннинг же придерживался того мнения, что война все равно заставит осуществить вынашиваемый им план.

Чуть позже в том же 1938 г. нашел разрешение другой принципиальный вопрос – о том, как обеспечить передачу флоту разведданных, если и когда они появятся. Кто должен передавать эти данные: разведывательное управление, которое этим занималось в последнюю войну и после нее, или же учреждение, приступившее теперь с соответствующего одобрения к сбору, накоплению и анализу развединформации, а именно ОРЦ? Невзирая на отдельные помехи со стороны Траупа, Деннинг при поддержке адмирала Джеймса и других руководящих инстанций сумел обеспечить для ОРЦ получение разрешения сноситься непосредственно не только с ответственными руководителями в самом Адмиралтействе и вне его, но также с командующими флотами и командирами отдельных кораблей, находящихся в открытом море. Вначале все исходящие депеши должны были докладываться и подписываться лично начальником разведывательного управления. В дальнейшем ОРЦ готовил и направлял свои циркулярные и информационные материалы самостоятельно, без санкции вышестоящего начальства. По сравнению с правилами, действовавшими в бытность «Комнаты 40», это были весьма существенные изменения, имевшие для будущей успешной деятельности ОРЦ жизненно важное значение. Через двадцать лет наконец возник централизованный орган по сбору, оценке и, что важнее, по рассылке информации, поступавшей из всех источников. Поистине «силы прогресса» восторжествовали.

К тому времени ускоренный ход событий стал оказывать возрастающее давление на Деннинга. Наиболее вероятными победителями в Испании казались националисты¹⁴, а возможным и наиболее опасным противником Англии в случае войны становилась не Япония, а Германия. Трауп долго не хотел понять, что штат ОРЦ, состоявший из двух человек, необходимо было увеличить. Он писал в докладной записке второму морскому лорду¹⁵: «Поступивший в июне в разведуправление старший сотрудник до прошлой недели работал без выходных дней, пока не был взят на время по особому распоряжению офицер из ПШШИД... Этот сотрудник заявил, что при наличном штате нельзя справиться с работой».

Между тем гражданские власти откликнулись быстрее, чем второй морской лорд. В помощь Пейсу прибыла г-жа Гвен Нэш, младший технический сотрудник. Капитан-лейтенант Патрик Бэрроу-Грин, незадолго перед тем уволенный в отставку за непригодностью к морской службе, появился у Деннинга только почти через шесть месяцев. Ему поручили вести работу по Италии, Испании и Японии, а Деннинг, осуществляя общее руководство, сосредоточил свое внимание на Германии. В случае чрезвычайной обстановки имелось в виду привлечь к разведывательной работе еще несколько отставных офицеров, которые после предварительного собеседования с ними были взяты на учет. В их числе находился и Питер Кемп, которому всю войну пришлось возглавлять группу операторов-планшетистов, наносивших на карту обстановку по данным плененования.

¹³ Подчеркнуто автором приводимой записки.

¹⁴ Их автором или соавтором, вернее всего, был Элистер Деннистон, впоследствии возглавивший Правительственную школу шифрвзяи и дешифрования (ПШШИД). – *Прим. ред.*

¹⁵ Имеются в виду лодки неизвестной принадлежности, совершавшие скрытно торпедные атаки. – *Прим. ред.*

Наряду с вопросом о штатах другим наиболее срочным делом для Деннинга в то время было расширение сети радиопеленгаторных станций. Руководство ими и так называемыми станциями «У», специально занимавшимися прослушиванием и записью иностранных радиосигналов для ПШШД, было возложено на 9-й объединенный отдел радиосигналов и разведки управления связи и РУ ВМС. Его начальник командер Хэмфри Сендвит оказался для Деннинга полезным союзником, который быстро оценил необходимость расширения сети станций слежения как для увеличения их возможностей получать более достоверные сведения о позициях кораблей, так и для того, чтобы сосредоточиться именно на этой стороне деятельности, а не просто на одном фиксировании сигналов. Это представлялось тем более желательным, что по многим признакам немцы и итальянцы не намерены были пользоваться во время войны позывными сигналами. Деннинг и Сендвит направили через свое непосредственное начальство одновременные предложения в совет Адмиралтейства¹⁶ о необходимости значительного увеличения числа РПС и численности обслуживающего их персонала. Вопрос этот решался медленно. Убедить Министерство финансов выделить ассигнования для приобретения более современного оборудования, частично в США, удалось только после Мюнхена. К сентябрю 1939 г. на территории Англии вступили в строй шесть высокочастотных станций и четыре, работавшие на средних частотах, три были задействованы в Средиземноморье и только две – на Дальнем Востоке. Столь же медленно решался с обычно несговорчивым Министерством финансов и вопрос о кадрах для обслуживания этих станций. Выдвинутое в мае 1938 г. предложение создать гражданскую береговую радиослужбу, с тем, чтобы укомплектовать станции гражданскими работниками и высвободить матросов и унтер-офицеров для службы на кораблях, было принято лишь в январе 1939 г.¹⁷ В первые двенадцать месяцев войны Англия дорого заплатила за эти и многочисленные другие проявления скарденности в мирное время, хотя Деннингу и Сендвиту все же удалось сдвинуть дело с мертвой точки и добиться некоторых улучшений.

По мере того как сгущались тучи над Чехословакией, к исходу лета 1938 г. оперативный разведывательный центр стал пополняться заранее отобранными для него людьми. Их перевели на казарменное положение. Адмирал Трауп понимал значение ОРЦ и, видимо, чувствовал, что старшие сотрудники в нем должны быть строевыми офицерами ВМС. Поэтому он перевел туда из другого отдела РУ ВМС командера Адамса. К моменту мюнхенского кризиса готовность ОРЦ отвечала всем ожиданиям: разведывательный центр обладал способностью довольно точно следить за перемещениями германских кораблей в испанских водах и других морях. Их диспозиция не подсказывала, что они вообще готовились к боевым действиям, и в частности к войне на море. В последний момент линкор «Дейчланд», например, должен был в спешном порядке следовать в Атлантику, и разведывательному центру удалось обнаружить его в районе о-ва Мадейра. К концу сентября местонахождение большинства военных кораблей и крупных торговых судов Германии было точно известно (когда кризис миновал, Трауп принимал поздравления от Форин офис за надежность информации ОРЦ, которая, видимо, резко отличалась от донесений, поступающих из других учреждений).

Мюнхен окончательно убедил правительство в возможности, если не в неизбежности, войны с Германией, в связи с чем программы перевооружения получили наконец ускорение. Казна приоткрылась, чем не преминул воспользоваться и ОРЦ. Появился проект сооружения в нижней части здания Адмиралтейства подземного комплекса, в котором, кроме ОРЦ, разме-

¹⁶ «Правило десяти лет», впервые введенное Черчиллем в 1919 г. и увековеченное им в 1928 г., обязывало военные ведомства руководствоваться при подготовке ежегодных военных бюджетов тем, что Англия не будет вовлечена в войну с какой-либо великой державой в течение ближайших десяти лет. Наибольшие помехи это правило создавало для ВМС, поскольку от начала проектирования нового крупного военного корабля и до его ввода в строй требовалось в мирное время примерно от шести до восьми лет.

¹⁷ Из записок Деннинга.

стились сотрудники оперативного управления, секция слежения за торговыми судами и укомплектованная гражданскими сотрудниками секция военного регистра, которая получала, регистрировала и рассылала целый поток входящих и исходящих бумаг.

В подземном комплексе были применены совершенные средства связи: в самом здании депеши пересылались по пневматической почте, вне его – по телексу, к которому были подсоединены командование флота метрополии, Береговое командование¹⁸, командования бомбардировочной и истребительной авиации и ПШШИД.

Все строительные работы завершились только к началу войны, но в примитивной системе кондиционирования возникли неполадки, вызвавшие задержку с переселением на несколько дней. Оно состоялось в начале сентября.

Тем не менее, проектирование и строительство такого центра в короткие сроки (за семь месяцев) являлось достаточно большим достижением. Надо отдать должное прозорливости адмирала Траупа. Ведь благодаря ему оперативный разведывательный центр разместился в столь благоприятных условиях.

В январе 1939 г. Трауп был заменен контр-адмиралом Джоном Годффри на посту начальника военно-морской разведки – РУ ВМС. Последний, как и его знаменитый предшественник Холл, от которого он получил много полезных советов и помощь, был практичным, преуспевающим моряком. В некотором роде это был тоже необычный морской офицер, человек широких интересов, весьма энергичный, решительный, оригинального, новаторского склада ума. Годффри не из тех, кто считал, что то, что было достаточно хорошо для Нельсона, обязательно будет столь же полезно и для королевских ВМС в 1939 г. Менее связанный ограничениями Министерства финансов, чем Трауп, Годффри с новым приливом энергии и рвением принялся расширять ОРЦ и разведуправление в целом. Он был коллегой по работе сэра Томаса Филлипса – нового заместителя начальника штаба ВМС, которого вскоре стали называть первым заместителем. Видимо, по его рекомендации Годффри был прикомандирован к будущему первому морскому лорду сэру Дадли Паунду, под началом которого незадолго до этого он служил на Средиземном море, а ранее – в управлении планирования. Годффри признавал, что ему не удастся приобрести такое положение, какого добился Холл, но он видел, что разведуправление наверняка столкнется с целым рядом проблем, каких в бытность Холла не существовало. Предстояло провести в короткие сроки огромную перестройку, и, чтобы высвободиться для этих дел, Годффри вынужден был передать другим часть своих полномочий, причем такую, какая и не снилась Моргуну Холлу, любившему держать в своих руках все нити. Тактика Годффри почти сразу же встретила поддержку Филлипса и Паунда и, можно сказать, первое практическое применение получила в ОРЦ. К тому времени Адамс был заменен компандером Джеффри Колпойзом, но, учитывая ключевую роль ОРЦ, Годффри понимал, что его главой должен стать офицер, по старшинству и по рангу равный начальникам оперативного управления и управлений по экономической и противолодочной войне, с которыми ему придется иметь дело. Он должен также обладать возможностью отстаивать свое мнение у помощников и даже у заместителя начальника морского штаба.

Неудача в решении этого вопроса вынудит Годффри постоянно самому заниматься ежедневными и ежечасными проблемами, которые неизбежно возникнут в учреждении, связанном именно с «оперативной» разведкой.

Он вспомнил, как в 1917 г., будучи штаб-офицером на Средиземном море, нанес визит в Адмиралтейство, где ему показали некоторые чудеса «Комнаты 40», и где он встретился, как говорится в его мемуарах¹⁹, «с моим сверстником Джоком Клейтоном, который был в ней

¹⁸ Береговое командование – один из компонентов ВВС, имевший в своем распоряжении разведывательную и патрульную авиацию, действовавшую в интересах и по заданиям ВМС. – *Прим. ред.*

¹⁹ Godfrey. Memoirs Typescript.

одним из дежурных офицеров. Ничто не казалось поэтому более естественным, чем то, что ему следует стать главой ОРЦ... Этого человека невозмутимого спокойствия, весьма пронизательных суждений, не способного создавать шум вокруг себя, внесли в список выходящих в отставку как контр-адмирала, и он надеялся провести войну на море, командуя конвоем. Поэтому ему не очень понравилась моя идея направить его на длительный срок в подвальный этаж Адмиралтейства. Вскоре, однако, он примирился с этим и завоевал всеобщее доверие. Питал к нему доверие и первый заместитель начальника штаба ВМС. Я почти во всем полагался на него и радовался, что имел коллегой человека моего возраста и положения – бывшего штурмана по специальности». В случае войны Клейтону предстояло занять пост заместителя начальника разведуправления в звании кептена ВМС (должность «заместитель начальника» указывает на его положение во всем разведуправлении, а не только в ОРЦ). Март Клейтон провел в ОРЦ, привыкая к новому назначению. Он был вполне удовлетворен планами Деннинга и не высказывал пожеланий по их изменению.

Офицеры, призванные на службу во время мюнхенского кризиса, вернулись к гражданской жизни, когда кризис миновал, а Деннинг с горсткой людей в его аппарате, ставших мастерами на все руки, занимались надводными кораблями и подводными лодками всех государств, неся по очереди дежурства, анализируя донесения секретной службы и Форин офис или же, смотря по обстоятельствам, набивая руку на определении местонахождения кораблей с помощью данных радиопеленгаторных станций. Правда, Бэрроу-Грин пытался специализироваться на итальянцах и японцах, но когда нужно было, он помогал Деннингу, а Деннинг – ему. Понимая необходимость дальнейшей специализации, Деннинг считал, что учреждение должно работать гибко. В начале 1939 г. в записке о развитии ОРЦ он писал: «Учреждение, способное осуществить эту наиболее важную функцию (оперативную разведку) с максимальной эффективностью, должно расти – подобно британской конституции – на основе опыта, приобретенного не только в мирное, но и в военное время. То, что считалось пригодным в прошлую войну, может оказаться негодным без возможных значительных модификаций в любой крупномасштабной войне с нашей вовлеченностью в нее». И продолжал: «В отношении информации оперативная разведка все еще зависит от многих источников, только с помощью скрупулезного, неторопливого анализа донесений лицами, которые буквально пропитаны знаниями иностранных военно-морских сил, можно надлежащим образом взвесить и оценить относительные достоинства полученных донесений». В июле Деннинг представил план создания группы специалистов, работающих на планшетах для нанесения обстановки по данным РПС. «Практика показывает, – писал он, – что оператору-планшетисту понадобится как минимум три месяца, чтобы считаться достаточно подготовленным и извлекать толковые и точные данные из нанесенных на карту-планшет радиопеленгов, не впадая в ошибочные заключения... Элементарные познания в этом деле можно приобрести за очень короткий отрезок времени, но, учитывая особенности высокочастотного радиопеленгования, полезных результатов можно добиться только на основе практического опыта. Иначе неквалифицированное обращение с радиопеленгами при их прокладке и анализе на карте может привести на деле к крайне опасным ситуациям». Исходя из этого, капитан-лейтенанта Питера Кемпа вторично оторвали от выполнения обязанностей ведущего публициста в «Таймс» и поручили побеседовать с несколькими гражданскими лицами, чтобы, отобрав из них двух-трех человек, оценить возможность введения в действие системы круглосуточного дежурства. Так было положено начало немногочисленному подразделению, – больше семи мужчин и женщин в нем никогда не было, – которому по мере накопления опыта и увеличения числа РПС суждено было поставлять в некотором роде наилучшую, а временами единственную надежную информацию из всего, чем располагал ОРЦ.

Столь же важным было и решение создать специальный отдел по обработке всей информации о позициях и перемещениях вражеских подводных лодок. После того как Германия

стала на сто процентов главным противником, их теперь называли «U-боут» – будь они немецкими, итальянскими или японскими.

В поисках главы нового отдела Годфри вторично обратился к прошлому «Комнаты 40», выбрав офицера, который исполнял эту должность в 1917 г. Офицеру финансовой службы кептену флота Трингу было за шестьдесят, но он располагал достаточными знаниями, чтобы поставить воскресший отдел на правильные рельсы. Обладая весьма скептическим аналитическим умом и неподкупной честностью, он не боялся запугивания адмиралтейского начальства и наигранного оптимизма молодых флотских офицеров. Одним из отобранных гражданских лиц на роль помощника Тринга был преуспевающий адвокат Роджер Уинн, которому суждено будет перенять у своего начальника искусство обнаружения подводных лодок противника и последующего слежения за ними и превратить его в нечто такое, о чем «Комната 40» не могла и мечтать.

Деннинг видел необходимость дальнейшей специализации. Большая нужда возникала в улучшении сбора информации о возможном использовании вооруженных торговых судов в войне на море. Она понадобится не только флоту, чтобы организовать блокаду, которую наверняка придется вести, как только разразится война, но с помощью этой информации можно будет также заранее обнаруживать признаки возникновения критической ситуации. Внезапный отзыв крупных торговых судов с обычных маршрутов следования и из портов потенциально враждебных держав может оказаться первым признаком обострения напряженности, ведущей к войне. Деннинг знал, как это происходило, когда японцы захватывали Шанхай, но во время мюнхенского кризиса он больше всего полагался на услуги одного сотрудника Министерства торговли и на информацию Ллойда. Они работали достаточно хорошо, но ОРЦ нужны были, конечно, свои наблюдения и их обработка. Между мартом и июнем 1939 г. был создан отдел торгового судоходства, установивший прямую телефонную связь с Ллойдом и тесные контакты с биржей, занимавшейся районом Балтийского моря, и Министерством торговли. К сентябрю созданный пост нанесения обстановки ежедневно сообщал позиции и перемещения всех германских, итальянских и японских торговых судов грузоместимостью свыше 100 брутто-регистрационных тонн. С началом войны такая информация полностью оправдала свою полезность.

Не была забыта и воздушная обстановка. Для связи с управлением разведки Министерства авиации был создан отдел, который снабжал флот наилучшей из всей имеющейся информации о размещении и действиях самолетов германских военно-воздушных сил. Бесспорно, флот еще не сумел тогда понять все последствия возросшего потенциала самолета и недооценивал роль авиационного могущества в предстоящей войне, но вину за это не следует искать в «пренебрежении авиацией» (в 1939 г. Англия больше заложила авианосцев, чем любая другая держава); это относится как к ОРЦ, так и ко всем военно-морским силам.

Надо упомянуть о последнем изменении. В соответствии с планами эвакуации различных правительственных учреждений из Лондона в случае войны ПШШИД в начале сентября переместилась в просторный загородный дом в Блечли-Парк (Бэкингемшир), который все называли «по секрету» БП – по его начальным буквам. Столь длительно занимавшая мысли Деннинга необходимость усиления ОРЦ путем придания ему военно-морской секции ПШШИД становилась менее настоятельной благодаря притоку новых кадров в ОРЦ, но зато усложнилась проблема поддержания контактов между ОРЦ и ПШШИД, когда последняя окончательно переселилась в Блечли-Парк. На какое-то время эти контакты удалось сохранить благодаря тому, что частица военно-морского отдела во главе с капитан-лейтенантом Саундерсом оставалась в ОРЦ на положении связующего звена.

Поэтому в августе 1939 г., когда ОРЦ был отоброшен, – предлогом послужили крупные «учения по береговой обороне», – в его штате насчитывалось 36 мужчин и женщин. Во главе стоял контр-адмирал в отставке Клейтон, который числился на должности кептена ВМС. Его заместителем был командер Колпойз. Отдел состоял из четырех основных секций: ита-

льянской и японской под началом Бэрроу-Грина, секции обработки данных РПС (нанесения их на планшеты обстановки) под началом Кемпа; секции поиска подводных лодок и слежения за ними во главе с Трингом и секции по наблюдению за немецкими надводными кораблями с рядом подсекций во главе с Деннингом. Благодаря ранее проделанной работе и накопленному опыту последний считался третьим лицом в руководстве разведкой ВМС, что автоматически возлагало на него ответственность за связи со всеми внешними учреждениями, включая БП.

Насколько все это будет отвечать задачам, поставленным адмиралом Джеймсом два с половиной года назад? В какой мере признаются и преодолеваются слабости «Комнаты 40»? Какова готовность нового ОРЦ выдержать испытания войны?

ОРЦ входил составной частью в разведывательное управление. За его работу отвечал заместитель начальника управления. Он пользовался поддержкой первого морского лорда и заместителя начальника морского штаба. Он – признанный центр по сбору, координации и оценке всей информации о перемещениях и намерениях флотов противника; информации, исходившей как от специалистов по дешифрованию в БП и агентов секретной службы, так и от военных и торговых судов, находившихся в море, от самолетов королевских ВВС, облетавших эти корабли, а также от радиопеленгаторных станций, прослушивавших все излучения вражеских радиостанций. Он имеет право непосредственно сноситься с любым управлением Адмиралтейства, с командующими флотами и с кораблями в море. У него контакты с ВВС, армией и Министерством иностранных дел. Как только будут созданы новые министерства, – судостроительства и экономической войны, – он вступит в контакты и с ними. Размещен он нормально, если не сказать превосходно, в подземном комплексе Адмиралтейства и имеет эффективную систему связи.

Все это крупные достижения за период в два с небольшим года. Если немцы, итальянцы и русские воспользовались войной в Испании, чтобы опробовать новые методы ведения войны на суше и в воздухе (хотя правильные выводы сделали, по-видимому, только немцы), то англичане, безусловно, извлекли, хотя и меньше заранее намеченных, выгоды в области разведки. Само существование ОРЦ и его быстрый рост являлись прямым результатом боевых действий, связанных с Испанией, – фактор в своем роде, возможно, столь же ценный для Англии, как испытания новых артсистем и танков легионом «Кондор» для немцев²⁰.

Отмеченные результаты во многом – заслуга Деннинга. Джеймс, Трауп, Годффри, Клейтон, Колпойз и Сендвит: все они внесли свой вклад, но в основном и главным ОРЦ являлся детищем Деннинга. Большинство его сотрудников имели незначительную подготовку и не обладали опытом – от этого никуда не уйдешь. Опыта оперативной разведки можно набраться, только когда заговорят пушки. В общем, укомплектованная кадрами организация уже существовала и была готова к тому, чтобы получать, анализировать, оценивать и рассылать различную информацию, откуда бы ни поступали исходные данные для нее. К сожалению, информации-то – этой уникальной продукции – и не будет хватать все ближайшие двенадцать месяцев, но не по вине ОРЦ. Источники, на которые ОРЦ рассчитывал, какое-то время еще не будут в состоянии поставлять разведданные. А ведь его дело – обрабатывать их.

²⁰ Roskill. Naval Policy between the Wars. Vol. II. Collins.

Глава 2

Первые двенадцать месяцев. Время становления

Морская обстановка 3 сентября 1939 г. во многом напоминала ту, которая преобладала 4 августа 1914 г. Британский флот был меньше, чем двадцать пять лет назад, но он все же превосходил, и даже больше, чем тогда, силы, находившиеся в распоряжении адмирала Редера – командующего германскими ВМС. Поэтому немцы и думать не могли о том, чтобы бросить вызов блокаде, введенной Англией без промедления. Гитлер обещал Редеру, что войны с Англией до 1944 г. не будет. Выполнит ли он это обещание, положение могло бы быть совсем иным. Редер разработал план «Z», который давал бы ему к тому времени поистине могущественный флот. Но при сложившихся обстоятельствах он мог делать только одно: защищать собственное побережье и вести боевые действия подводными лодками, надводными кораблями, торговыми судами-рейдерами и минами против английского судоходства в Северном море и Атлантике.

Некоторые факторы серьезно осложняли задачу королевских ВМС и существенно уменьшали степень их превосходства, казавшегося подавляющим. До войны начальники штабов вооруженных сил предупреждали правительство: с Францией в качестве союзника Англия будет иметь необходимую военно-морскую мощь, чтобы противостоять Германии; если же Италия присоединится к своему партнеру по оси, то ситуация станет намного труднее – Англия не сможет помериться силами одновременно и с Японией, и с двумя другими державами. Даже по отношению только к Германии многие английские корабли периода Первой мировой войны устарели. Ведь немцы заново перестроили весь свой флот до последнего корабля и, игнорируя установленные ранее договорные ограничения, далеко превзошли разрешенный тоннаж по кораблям основных классов, поэтому они во многих отношениях изобрели ряд преимуществ даже перед современными английскими кораблями тех же классов, не говоря уже о ветеранах двадцатилетней давности, таких как «могущественный» линейный крейсер «Худ».

Во-вторых, существование Англии в то время полностью зависело, как зависит и по сию пору, от ее способности поддерживать нормальный, бесперебойный ход заморской торговли. Почти ежедневно в 1939 г. в море одновременно находилось более 2500 английских судов, совершавших «правомерные функции», и, кроме них, несколько сотен иностранных кораблей, перевозивших грузы из портов и в порты Соединенного Королевства. Инициатива принадлежала противнику: стоило ему обойти английские патрульные суда и выйти в Атлантику, не будучи обнаруженным, как он приобретал возможность вести боевые действия на коммуникациях Англии в любом океане земного шара.

В межвоенные годы проблемам защиты коммерческих коммуникаций уделялось очень мало внимания. Безмерная вера в эффективность «Асдика»²¹ в сочетании с отсутствием тщательного изучения уроков неограниченной подводной войны, которую вел имперский германский военно-морской флот, породила у английского штаба ВМС уверенность в том, что главная опасность для торговых судов будет исходить от надводных рейдеров. Эта угроза действительно материализовалась, но ее в конце концов оказалось легче преодолеть, чем удары подводных лодок, которые во второй раз за двадцать пять лет поставили Англию на самую что ни на есть грань катастрофы. У королевских ВМС было слишком мало эскадренных миноносцев и других кораблей с такой дальностью и продолжительностью действия, какие были необходимы для обеспечения хотя бы минимально надежной защиты наших океанских конвоев от подводных лодок.

²¹ Устройство для обнаружения подводных лодок в погруженном состоянии при помощи фиксирования отраженного от корпуса лодок излученного импульса поисковой станции или эскортного корабля. – *Прим. ред.*

Вторая серьезная слабость порождена длительной тяжбой с королевскими ВВС из-за того, в чьем ведении будет находиться военно-морская авиация. В результате этого двадцатилетнего спора ни одно из ведомств как следует не продумало роль и возможности самолета в действиях на море и не уделило достаточного внимания стратегическому и тактическому применению морской авиации, а также созданию нужных типов машин и наиболее действенного оружия для их оснащения. Понадобилось более двух лет войны, чтобы наверстать упущенное, что стоило жизни тысячам моряков и летчиков.

Но все это произойдет в будущем. В сентябре же 1939 г. Франция оставалась союзником. Ла-Манш был непроходим для немцев, и снова небольшая армейская группировка Англии была переброшена во Францию без каких-либо помех со стороны противника. У немцев имелось только два пути для входа в Атлантику и выхода из нее: один – между Шотландией и Исландией, второй – через Датский пролив между Исландией и Гренландией. Английский боевой флот или, как его стали называть, флот метрополии снова базировался в Скапа-Флоу. Еще раз была срочно создана северная патрульная служба из крейсеров и крупных вооруженных торговых судов для перехвата немецких судов, пытавшихся прорвать блокаду побережья, и для обнаружения любых попыток германских «карманных» линкоров, специально предназначенных для нарушения английского судоходства, прорваться в открытое море. Северная патрульная служба действовала исключительно успешно по поддержанию коммерческой блокады Германии, но английский командующий адмирал Форбз потребовал точной и срочной разведки, чтобы осуществить развертывание флота метрополии на позициях, обеспечивающих перехват крупных военных кораблей противника. Возникла точно такая же ситуация, как во времена Джеллико и Битти, только теперь позиция перехвата передвинулась значительно дальше на север.

Не сумев перед войной полностью оценить точный характер угрозы торговому судоходству Англии, которое имело тенденцию к расширению, флот, по крайней мере, не допустил ошибки в смысле недооценки полезности системы конвоев. В 1917 г. она неохотно была введена советом Адмиралтейства под давлением событий и под нажимом премьер-министра Ллойд Джорджа. В 1939 г. ее ввели в действие немедленно, но потребовалось несколько месяцев, чтобы все считавшиеся подходящими для этого суда могли включаться в конвой. В течение всей войны дело обстояло так, что корабли со скоростью свыше определенного предела (большую часть времени – пятнадцать узлов, а в какой-то период – всего тринадцать) не вводились в состав конвоев и совершали переходы самостоятельно. Из-за недостатка эскортных кораблей с необходимой дальностью действия придававшиеся конвоям корабли противолодочного эскорта могли следовать только до какой-то точки примерно в трехстах милях западнее Ирландии. Дальше конвой шли с одним океанским эскортным кораблем – обычно это было большое вооруженное торговое судно, которое называлось вспомогательным крейсером. В это время освободившийся противолодочный эскорт поджидал для сопровождения другой конвой – следовавший в Англию. Но вначале надо упомянуть о том, что сами подводные лодки противника не могли уходить далеко на запад, поэтому действовавшая тогда система конвоирования и не имела столь уж большого значения. Здесь тоже точная информация о местонахождении подводных лодок и их намечаемых передвижениях являлась жизненно важной.

Следует сразу же признать, что в первые двенадцать месяцев войны ОРЦ не мог похвастаться слишком большими успехами в получении разведанных, ради которых он и был создан. Главная причина этой неудачи не столько в недостатках самой организации ОРЦ, сколько в несовершенстве всех источников информации того времени, за которое ОРЦ – и это надо помнить – ответственности не несет. Из Блечли-Парка действительно ничего существенного не поступало, кроме самого предварительного анализа серии германских радиотелеграфных сообщений. Развертывание сети РПС было еще далеко от завершения, к тому же характер и размах ведения войны надводными кораблями и подводными лодками был таков, что радио-

связь осуществлялась ограниченно, давая мало материала даже при многочисленных перехватах. Скучными были и сообщения агентуры. Наилучшие донесения поступали от одного торговца чулками на черном рынке: он поддерживал контакт с почтовым отделением германских ВМС и временами мог сообщить почтовые адреса некоторых кораблей, фрагментарно давая тем самым ключ к разгадке их местонахождения. Очень трудно, а иногда просто невозможно было отличить преднамеренно распространяемые слухи от подлинной информации. Провал в Венлоо, где английские агенты Бест и Стефенс были схвачены гестапо, сильно подорвал сеть секретной службы в Голландии и Германии.

Положение могла спасти регулярная обширная и эффективная авиационная разведка. Но она тоже блистательно отсутствовала. Воздушная разведка – дело, конечно, не новое. В Первую мировую войну армия и флот, по существу, раньше всего стали использовать авиацию именно для этой цели. Разведка для флота остается главной задачей морской авиации и по сей день. В 1918 г. сотни самолетов занимались фоторазведкой на Западном фронте; искусство читать полученные снимки быстро развивалось. В межвоенные годы ВВС Англии, страдавшие от недостатка ассигнований, были поглощены мыслями о сохранении независимости от двух других родов войск.

Фоторазведка если и не была совсем заброшена, то почти полностью потеряла свой приоритет. В начале войны для нее применялся самолет «Бленхейм». Ни скорость, ни радиус действия его не позволяли проникать в глубь территории противника. Вскоре этим самолетам были нанесены тяжелые потери. Мало того, непригодными оказались применявшиеся фотоаппаратура и пленки, а современной техники, как и людей, натренированных на чтении снимков, которые удавалось получить, не хватало. Однако завидную прозорливость проявила секретная служба, которая незадолго до войны создала подпольную организацию во главе с выдающимся человеком – его звали Сидней Коттон. В задачу Коттона входило совершать челночные полеты в Германию и обратно на самолете «Локхид-12А», который фигурировал как частный. В самолет была вмонтирована скрытая фотокамера; подразделению Коттона удалось добыть много полезной информации, в том числе великолепные снимки германских кораблей в порту Вильгельмсхафен. Они были сделаны всего за два дня до объявления войны. Три недели спустя небольшое соединение Коттона влилось в ВВС, оставаясь строго засекреченным, что вызвало в некоторых отделах штаба ВВС зависть к нему и обструкцию, длившуюся месяцами. Коттон любил действовать в одиночку; он не выносил волокиты и обыденной, рутинной службы. Это был гений в своем роде, который быстро обнаружил, что ни его «Локхид», ни «Бленхеймы» ВВС не годились для фоторазведки в условиях войны. Тогда он решил, что единственный самолет из всех имевшихся разновидностей, способный при вести к цели, – это «Спитфайер», с которого будет снято вооружение. Их поступало, конечно, мало, так как каждая машина срочно требовалась командованию истребительной авиации. Однако после нескольких схваток с руководством ведомств Коттону удалось получить несколько самолетов этого типа. Наладилось дело и с фотоснимками, которые он добывал: их обработкой и прочтением стала заниматься «Эркрафт оперейтинг компани» в Уэмбли – небольшая частная фирма, до войны специализировавшаяся по фотоснимкам с воздуха, выполняя заказы торговых фирм. Лишь у нее одной имелось фотограмметрическое устройство для анализа и измерения деталей аэрофотоснимков местности.

Деннинг, знавший все без исключения о действиях Коттона, сразу понял: именно здесь становилась реальной надежда обеспечить фотосъемку портов противника. Он оказал этой небольшой организации личную поддержку и добился того, что к ней стал относиться с интересом и оказывать ей покровительство военно-морской штаб. К сожалению, успехи Коттона повысили и требования к его работе. Многие из его несоразмерно малых возможностей пришлось пожертвовать на удовлетворение столь же неотложных, как и потребности флота, нужд частей армии и ВВС, находившихся во Франции. Прошло немало времени, пока удалось

добыть второй комплект снимков Вильгельмсхафена, но самолетов, как и людей, способных расшифровать снимки, оказалось слишком мало. Главным экспертом в «Эркрафт оперейтинг компани» считался Майкл Спендер, брат поэта Стефана и художника Хемфри. Он приветствовал любую помощь в опознании немецких военно-морских кораблей, которую мог оказать ему Деннинг, и последний вскоре сам стал большим знатоком в этом новом деле. Интересный случай, когда потребовались опыт и умение в этой области, произошел в начале 1940 г. Специалисты по чтению фотоснимков при командовании бомбардировочной авиации обнаружили сосредоточение подводных лодок в порту Эмден. Требовалось обратиться к военному ведомству за разрешением атаковать эту цель; и хорошо, что перед тем, как оно было дано, первый морской лорд запросил мнение РУ ВМС, так как Эмден казался маловероятным местом для базирования подводных лодок. Деннингу в спешном порядке поручили изучить фотографии, и он без труда установил, что пред полагаемые подводные лодки были речными баржами, а то, что принималось за боевые рубки, – всего-навсего белье, вывешенное экипажами на просушку.

Здесь уместно заметить, что своим становлением и последующим превращением в один из наиболее действенных компонентов военной разведки небольшое формирование Коттона во многом обязано поддержке Адмиралтейства, которое вселяло в него уверенность. Вначале штаб ВВС очень неохотно признавал непригодность своих методов и несколько месяцев отказывался признавать существование «Эркрафт оперейтинг компани», как и ценность ее технических приемов. Окончательно фирма вошла в состав ВВС только после того, как по тревожному сигналу ОРЦ об угрозе краха «Эркрафт оперейтинг компани», если она не получит официального статуса, Черчилль пригрозил передать это предприятие Адмиралтейству. Затем наступила полоса улучшения, но недостатки и трудности, осаждавшие каждую организацию в начале войны, выросли в такую проблему, что только в первые месяцы 1941 г. потребности ВМС в регулярной широкой фоторазведке могли найти достаточное удовлетворение. Примером подобных затруднений может служить случай, который произошел в начале 1940 г. На одном из ранних снимков Вильгельмсхафена был запечатлен линейный крейсер «Шарнхорст» в доке. Деннинг тут же сообщил об обнаружении корабля командующему флотом метрополии сэру Чарльзу Форбзу, обеспокоенному отсутствием информации о местонахождении крупных немецких кораблей, но не сказал ему, что «Шарнхорст» находится в доке. Вскоре, сопровождая начальника РУ ВМС Годфри, Деннинг отправился в Скапа-Флоу на совещание с Форбзом по поводу мизерного количества поступавшей к адмиралу информации. В ходе совещания Деннинг продемонстрировал упомянутые фотографии и получил в ответ замечание от командующего в резкой форме за то, что перед этим не доложил, что «Шарнхорст» был в доке и, значит, вышел из строя. Деннинг сослался на наличие у него только одного комплекта снимков; на них можно разглядеть, что док заполнен водой, но нет никакой возможности установить, входит крейсер в данный момент в док или выходит из него.

Снимки другой главной базы германского флота – Киля – не удавалось получить до 7 апреля 1940 г. Показанная на них гавань была до отказа забита судами, а окружающие ее аэродромы кишели самолетами. Слов нет, снимки показывали приготовления немцев к вторжению в Данию и Норвегию, начатому спустя два дня, но при отсутствии более ранних фотографий, с которыми можно было бы сравнить это доказательство, специалисты не могли сказать, нормальная это ситуация или нет²². Забежим немного вперед. Фоторазведка восточной части Балтийского моря стала возможной только после июля 1941 г., когда подразделение фоторазведки (ПФР) получило свой первый самолет «Москито». Сделать вывод о том, что все крупные корабли находились в территориальных водах Германии, или один или несколько из них отсутствовали и потому должны были считаться действующими в открытом море, можно было лишь при достаточно подробных и неоднократных съемках каждого порта противника.

²² Constance Babington-Smith. Evidence in Camera. Chatto and Windus.

Но от нехватки пригодных для этого самолетов страдало не одно ПФР. Адмиралтейство с самого начала было встревожено тем, что германские «карманные» линкоры могут проскользнуть в Атлантику. В совместных довоенных планах Адмиралтейства и Берегового командования ВВС предусматривались меры по регулярному воздушному наблюдению за участком между Шотландией и Норвегией. Когда же разразилась война, радиус действия самолетов, предназначенных для выполнения этой задачи, не разрешал совершать полеты до норвежского побережья, и образовавшийся разрыв пришлось заполнить патрулированием подводных лодок. Но если бы даже и были самолеты дальнего действия, все равно вскоре выяснилось бы, что трудности обнаружения судов и даже просто полетов в плохую погоду осенью и зимой были явно недооценены.

Первыми двумя германскими военными кораблями, оказавшимися в Атлантике, были линкоры «Граф Шпее» и «Дейчланд». Им удалось провести эту операцию незаметно благодаря тому, что война еще не была объявлена, а Англия не была способна вести фоторазведку (или фактически разведку визуальную) их баз на территории Германии.

До 1 октября Адмиралтейство не знало о присутствии немцев на морских коммуникациях. Прошло еще три недели, прежде чем донесения с воплями отчаяния жертв этих линкоров и сообщения оставшихся в живых очевидцев с уверенностью могли убедить ОРЦ, что тут замешан не один рейдер, а два. Но до того, как этот факт стал известен ОРЦ, «Дейчланд» в действительности находился уже несколько недель в Германии. В случае с «Графом Шпее» у ОРЦ не было практической возможности содействовать его обнаружению и потоплению.

Радиопеленгаторных станций в Южной Атлантике и в Индийском океане еще не существовало. Сеть станций радиопеленгования не могла перехватить крайне редкие сигналы с этого корабля. Единственный признак для определения его местонахождения – это сигналы бедствия с атакованных им судов. Королевские ВМС на самом деле были отброшены к временам Нельсона, когда Адмиралтейству оставалось только одно: расположить поисковые группы своих кораблей в наиболее вероятных стратегических районах и предоставить командующему флотом или одному из командиров этих групп оценивать обстановку на месте и действовать исходя из нее. Эта система срабатывала неплохо: за сто сорок лет морские офицеры не утратили военно-морской интуиции. Командер Харвуд точно предугадывал направление движения корабля кептена Лангсдорфа, и, когда тот 13 декабря 1939 г. появился возле Ла-Платы, он поджидал его.

Второй выход немцев, на этот раз линейных крейсеров «Шарнхорст» и «Гнейзенау», в конце ноября того же года выявил еще одну слабость в системе сбора сведения британской разведки. Немцы намеревались атаковать крейсера и крупные вооруженные транспортные суда северной патрульной службы. Ни единого намека на их присутствие в море не было, пока они не встретили в Датском проливе вооруженный транспорт «Равалпинди». Несмотря на стойкое сопротивление этого корабля, он был потоплен, но сумел перед тем передать донесение о противнике, точно опознав, что это линейный крейсер. К сожалению, вслед за этим «Равалпинди» внес поправку, назвав его «карманным» линкором, что совпало с ошибочным мнением в ОРЦ, где подумали, что это «Дейчланд», возвращавшийся в Германию, а он вернулся фактически за восемь дней до этого. Ошибка «Равалпинди» с опознанием объяснима: силуэты тяжелых германских кораблей весьма сходны, – но она усугубила путаницу и помешала командующему флотом метрополии перехватить врага. Ближайший к «Равалпинди» английский крейсер «Ньюкастл», прочитав донесения с этого корабля, приблизился к нему. Он увидел «Шарнхорст», когда тот, застопорив ход, подбирал людей, находившихся в воде. Явно под влиянием второго донесения с «Равалпинди», «Ньюкастл» тоже принял его за «карманный» линкор. Когда немцы стали отходить, он старался следовать за ними по пятам, но в то время на английских кораблях еще не было радаров, и в штормовой ливень «Ньюкастл» потерял из виду немецкие корабли. Так и не будучи опознанными, они благополучно проскользнули в Герма-

нию. Позже начальник морской разведки писал: «Очень важно было узнать название или хотя бы класс корабля, который потопил его («Равалпинди»). Единственным источником наших сведений были оставшиеся в живых. Старшего из них, главного морского старшину, направили в Адмиралтейство, несколько раз допросив его в пути. У адмирала Паунда ему был задан ряд важных вопросов. Когда же старшину доставили в РУ ВМС, он все перепутал и как объективный свидетель был бесполезен. За это время ему внушали столько разных предположений, что в голове у него остались расплывчатые впечатления об очертаниях и размерах немецкого корабля»²³. Могут спросить: почему первый морской лорд при всей его занятости решил лично заняться тем делом, с которым намного лучше мог бы справиться младший сотрудник разведуправления? В общем, с точки зрения ОРЦ адмиралу плохо удалась эта роль. Выхода в море германских кораблей мы не заметили, дважды опознали их неправильно, преследовавший крейсер потерял их из виду, и в довершение из-за допроса очевидца «с выкручиванием рук» мы упустили и последний шанс правильно опознать их.

Пока ОРЦ спотыкался из-за отсутствия надежных источников информации, адмирал Редер получал добротную информацию от своего разведуправления. Германские военно-воздушные силы не волновало, как это вскоре случится, большое количество заявок на их услуги. У них было несколько видов разведывательных самолетов дальнего действия, вполне приспособленных для выполнения задачи по наблюдению за флотом метрополии в тот момент, когда королевским ВВС все еще трудно было выделить нужное количество истребителей, чтобы сбить или отогнать самолеты противника. Адмирал Форбз горько жаловался на то, что все его передвижения, по-видимому, в точности сообщаются противнику, в то время как сам он блуждает почти с завязанными глазами. Для таких претензий у Форбза были справедливые основания, но здесь дело не только в германских ВВС. За период между двумя войнами ВМС Германии осознали значение роли «Комнаты 40» и того огромного преимущества, которое она давала Джеллико и Битти. Немцы организовали свою чисто военно-морскую криптоаналитическую службу – «B. Dienst», которая повела решительную атаку на британские морские коды и шифры. В этом большую помощь оказывало ей английское Адмиралтейство, проявлявшее, как всегда, консерватизм. Оно отклонило предложения лорда Луиса Маунтбеттена о принятии на вооружение ВМС шифровальной машины, как это сделали немцы и собирались сделать королевские ВВС и ВМС США.

Мы по-прежнему цеплялись за устаревшую громоздкую и, как выяснилось, ненадежную систему ручных табличных шифров. Сама по себе эта система могла быть еще не столь пагубной, но во время абиссинского кризиса не соблюдались элементарные правила шифрпереписки, гарантирующие ее неприкосновенность. Немецкой службе «B. Dienst» удалось подобрать ключи к основным оперативным и административным шифрам ВМС Англии. Когда разразилась война, немцы читали очень многие шифрдонесения, хотя этот процесс требовал времени и не всегда завершался с такой быстротой, чтобы можно было успеть воспользоваться результатами для оперативных целей. И все же перед тем, как в августе 1940 г. произошли перемены, немцам удалось расшифровать вполне достаточное количество радиодонесений английских ВМС, чтобы иметь полную картину большинства их передвижений в Северном море и на северных подходах к Англии. Изменения выбили их на время из колеи, но, как мы увидим, им и в дальнейшем сопутствовал успех, обеспечивавший вплоть до середины 1943 г. большие преимущества в битве за Атлантику. Надо, однако, подчеркнуть, что криптоанализ только тогда приносит реальную оперативную пользу, когда он осуществляется быстро. Применительно к этой задаче до немцев доходила с достаточной быстротой, по словам Деница, лишь сравнительно небольшая часть английских радиопереговоров, но все они помогали им изучать и понимать тактику и стратегию англичан. Конечно, к третьему году войны стали выяв-

²³ Godfrey, Memoirs, Typescript.

ляться отчетливые преимущества Англии – и не только в деле дешифрования, но и в других сферах оперативной разведки. Однако в 1940 г. положение было совсем иным: ОРЦ ощупью блуждал в потемках, в то время как противник в течение длительного времени имел вполне ясное представление о том, что происходило «по ту сторону горы».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.